

9 ноября 2007 года исполнилось 70 лет известному вологодскому писателю Александру Алексеевичу Грязеву.

А.А. Грязев - автор самобытных художественных произведений, давно и плодотворно работающий как на современном, так и на историческом материале. Его книги издавались в Москве, Архангельске, Вологде, на счету писателя - публикации в многочисленных журналах и альманахах.

А. Грязев - автор пьес, поставленных в Вологде и Череповце: «Всего два дня», «Одиноким предоставляется общежитие».

Долгие годы Александр Алексеевич возглавлял Вологодскую писательскую организацию - один из самых сильных, самобытных творческих союзов России.

В своих пьесах, рассказах, повестях и киносценариях известный писатель возвращает читателей и зрителей к поучительным урокам как нынешнего времени, так и прошлого, без чего невозможно жить на белом свете, - исторической памяти.

И сегодня А. Грязев твердо и последовательно продолжает отстаивать непреходящие нравственные ценности, беззаветно служа русской литературе. Яркое подтверждение тому результат многолетней работы - роман писателя «Калифорнийская славянка», повествующий о первых годах освоения русскими людьми побережья Аляски и Северной Калифорнии - Русской Америки.

Вологодская писательская организация от всего сердца поздравляет своего товарища с юбилеем. Желаем доброго здоровья, счастья, благоденствия и, конечно, новых творческих успехов.

Друзья-писатели

КАЛИФОРНИЙСКАЯ СЛАВЯНКА

Главы из романа

Роман Александра Грязева «Калифорнийская славянка» - результат многолетней работы автора, повествующий о первых годах освоения русскими людьми побережья Аляски и Северной Калифорнии - Русской Америки, о строительстве там в 1812 году форта Росс на океанском берегу севернее испанской крепости Сан-Франциско - пятнадцатой русской оседлости на земле американской, где текла река Славянка. Один из главных героев романа - тотемич и мореход Иван Александрович Кусков. Среди действующих лиц есть и русская девушка Алена, дочь морехода. Взаимоотношения этой девушки-славянки, ставшей вождем индейского племени, с любимым человеком, с калифорнийскими индейцами и ее жизнь, полная приключений, дают понять и второй смысл названия романа, который может быть увлекательным и полезным чтением о начале взаимоотношений русских и американцев. Следует сказать также, что форт Росс в наши дни является музеем-заповедником штата Калифорния. В городе Сан-Франциско действует «Общество друзей форта Росс», а по калифорнийской земле несет до сих пор свои воды река Славянка. Только теперь она называется Русская река.

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВ

Прозаик и драматург Александр Алексеевич Грязев родился 9 ноября 1937 года в Дальневосточном крае, на станции Лондоко. Детство прошло в селе Железный Борок Буйского района Костромской области. Учился в сельской семилетке и в школе № 2 города Буя. Армейскую службу проходил в 234-м гвардейском Черноморском парашютно-десантном полку в городе Пскове. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт и Высшие театральные курсы при ГИТИСе. Автор нескольких книг прозы и пьес. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, дочь Христиана-Августа, герцога Ангальт-Цербст-Бернбургского, и Иоанны-Елизаветы, принцессы Голштейн-Этинской, а попросту российская императрица Екатерина Вторая Алексеевна, проснулась в своей спальне, как всегда, сразу после шести часов утра. Она сама оделась, прибрала себя, сполоснула лицо холодной водой из умывальника и сама же разожгла уложенные ещё вечером дрова в камине.

Екатерина любила эти ранние утренние часы за то, что они принадлежали только ей одной и никому больше. Ей было известно, что у дверей её спальни и других личных комнат дежурят сейчас камердинеры, камермедхены и камерфрау. Но никто из них не посмеет войти сюда, пока она сама не позовёт их тонким звоном своего серебряного колокольчика.

Да и совсем немного было у государыни Екатерины таких счастливых минут одиночества. Уже к девяти часам у дверей её убранной к тому времени спальни соберутся со своими бумагами статс-секретари, обер-полицмейстер, вице-канцлер или столичный губернатор, петербургский главнокомандующий или генерал-прокурор Сената - те, кому и в какой день положено быть у императрицы для доклада. С этого самого часа государыня будет весь день среди людей, занимаясь различными делами почти до отхода ко сну - где-то часов в десять вечера. Так что ей было за что любить эти первые после пробуждения утренние часы.

Екатерина ещё с юности не любила никакой роскоши ни в одежде, ни в убранстве жилых своих покоев и придерживалась сего правила всегда и по сию пору. Вот и сейчас, надев простой белый капот и такой же белый чепец на голову, она в первый раз позвонила в колокольчик. Тут же отворилась дверь, и в её рабочий кабинет вошел дежурный камердинер, которого она даже и не видела, находясь

рядом в спальне. Он молча, как это делал ежедневно, поставил на секретер государыни большую фарфоровую чашку горячего и крепчайшего левантского* кофе да блюдец с греческими и так же молча удалился.

Екатерина перешла в кабинет, села за секретер и взяла в руки чашку с любимым напитком. Она вдохнула его аромат и даже зажмурилась от удовольствия. Сделав несколько глотков, государыня придвинула к себе лежащие на столе листы бумаги. Вчера она опять увлеклась сочинением своего Наказа для будущей Комиссии по составлению новых российских законов. Уже не один месяц каждое утро она садится и пишет свой Наказ, а конца и края не видно сему писанию. Но она не отчаивается. Это писание да чтение древних и современных мыслителей стало её подлинной страстью. Да и кому, как не ей, наказывать будущим депутатам думать и принимать законы о власти самодержавной, о суде и расправе, о воспитании, о торговле, образовании, о городах российских и их населении, о государственных доходах и расходах... Ох как много ей ещё придётся думать и писать!

...Вот и вчера, увлекшись писанием поздним вечером, чего почти никогда не делала, она даже записочки своему любимцу Гришеньке Орлову не послала, чтобы пришел к ней ночью скоротать. Вот, поди, мечется сейчас в комнатах на своем этаже, увидев запертою потайную дверь в её покои. Ну да ничего. Пусть пометится - крепче любить будет...

Екатерина взяла новое белое перо и, омакнув его в чернильнице, склонилась над белым же листом бумаги.

...Но долго ей заниматься своим любимым делом в сегодняшнее утро не пришлось. За дверями кабинета послышались какие-то голоса, коих в этот ранний час и быть не должно. Хотя на кабинетных часах уже почти девять утра, и к этому времени пер-

*левантский - восточный, из Леванта (В. Даль)

вые докладчики-секретари должны были находиться в зале.

Императрица вновь позвонила в колокольчик, и в кабинет тотчас же вошел один из её четырёх статс-секретарей, граф Олсуфьев.

- Доброе утро, матушка-государыня. Как ночевали? - заботливо произнёс он, склонившись в поклоне у самой двери.

- Доброе, доброе, Адам Васильевич. Всё слава Богу, - приветливо улыбаясь, ответила Екатерина. - А что там за шум у моего порога?

- Так прискакал к вам нарочный гонец, государыня, из самой сибирской стороны от тамошнего тобольского губернатора Чичерина. Вот дежурный офицер громко и просил вас срочно доложить и пакет передать, - и Олсуфьев кивнул на серебряный поднос, который держал в руках. - Вы уж извините за беспокойство, ваше величество.

- Ничего, ничего, граф. Да к тому же и офицер прав. Его не ругайте... Ну и что там? - показала Екатерина на конверт.

- На пакете начертано: «Императрице Екатерине Алексеевне... везти денно и ночью, нигде не удерживая».

- И что же мне так срочно хочет поведать Денис Иванович? Почитай-те-ка, граф.

Олсуфьев достал из пакета бумажные листы:

- «Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской»...

- Постойте, постойте, Адам Васильевич, - прервала секретаря Екатерина. - Вы ведь знаете, что я этого не люблю... Мне суть послания изложите. Сами-то его прочли?

- Как же, государыня, читал. Поскольку срочное, - ответил Олсуфьев.

Граф Адам Васильевич был одним из самых опытных придворных чиновников императрицы. Крестник самого Петра Великого и выпускник Шляхетского кадетского корпуса, он ещё во времена учения там был знатоком многих иностранных языков, которые ему легко давались. Потому-

то он позже служил при Русском посольстве в Датском королевстве секретарём у посланника Корфа, а возвратившись в Россию, служил в Коллегии иностранных дел. Был замечен при дворе и назначен даже личным секретарём императрицы Елизаветы Петровны, заведующей её доходами да Сибирскими золотыми приисками.

Олсуфьев в свои сорок с небольшим лет умом и знаниями был необходим Екатерине, а она уважала людей, знающих в каких-то делах больше её самой. Потому-то Адама Васильевича государыня любила не только как исполнителя, но и как дельного и мудрого советника.

- Ну и что вы там вычитали, Адам Васильевич? - негромко спросила Екатерина, и опять мягкая и добрая улыбка озарила её лицо.

- Губернатор Сибири пишет вам, что камчатскими купцами были посланы на Алеутские острова мореход Степан Глотов да казак Пономарёв. И те на боте «Святой Иулиан» дошли до самых дальних Алеутских островов, до Умнака и Уналашки. Тамошних жителей, алеутов, они привели в российское подданство, а те острова отныне будут российского владения... Это, государыня, совсем недалеко от матёрого американского берега. Губернатор Чичерин поздравляет вас с приобретением для России сих новых земель и богатых пушных промыслов.

- Ну что же, граф. Я весьма благодарна Денису Ивановичу за эту весть и полагаю, что ему надо послать нашу монаршую благодарность.

- Но это ещё не всё, государыня.

- Что же ещё?

- Денис Иванович просит вас послать туда, на Алеутские острова, экспедицию для описания тех островов и составления чертежа их, после чего можно будет и объявить всем, что те все острова наши. Пока же сами мореходы делали свои чертежи углём да глиною. А для сего дела нужны морские офицеры и штурманы.

- Ну, что же... Дело сие очевидное, и я согласна. Только надобно, я полагаю, о сем деле поговорить в Сенате с генерал-прокурором Вяземским.

- Он уже здесь, ваше величество, и я его в дело посвятил.

- Как здесь? Когда успел?

- Так ведь сегодня четверг, государыня. День его доклада по сенатским делам.

- Ах, да... Я совсем, видно, заработалась, что и дни недели забыла... Да и не мудрено: ведь я работаю как лошадь.

- Истинно так, государыня, - подтвердил Олсуфьев. - Я говорю правду и несколько не лью вам.

- Спасибо, Адам Васильевич. Слава Богу, что хоть вы меня понимаете... Ну так зовите сюда князя без всякой очереди, коли дело наше столь спешное.

- Слушаюсь, - склонился в поклоне Олсуфьев и вышел из кабинета, а когда тут же возвратился, то следом за ним в кабинет императрицы вошел генерал-прокурор Сената князь Вяземский.

Он был назначен на эту важную чиновную должность совсем недавно, но правил делами с великим тщанием, и Екатерина была им весьма довольна. Во всяком случае, за внутренние дела империи, за её финансы да ещё много за что она спокойно полагалась на своего генерал-прокурора и её доверенное лицо в Сенате.

- Здравствуйте, Александр Алексеевич, - приветствовала со своей неизменной улыбкой императрица вошедшего князя.

- Здравия желаю, ваше величество, - поклонился Вяземский и, подойдя к Екатерине, поцеловал протянутую ему императрицей руку.

- Как ваше здоровье, князь?

- Да пока Бог миловал, здоров.

- Ну и хорошо, коли так. А то ведь дел-то у вас много. Из-за сего даже уныние бывает. Нет ли его и у вас теперь, Александр Алексеевич?

- Нет, государыня. Следуя вашему наказу, все тревоги и огорчения я всегда оставляю у порога дворца вашего, - улыбаясь, сказал Вяземский.

- Похвально, князь. Я не устаю всем повторять, что нельзя никогда предаваться мнительности и обидам, надо не унывать, а бороться с разны-

ми невзгодами, надеяться и верить в успех. Не так ли, Адам Васильич?

- Точно так, государыня, - подтвердил Олсуфьев.

- Тогда садитесь оба рядом, и поговорим ладком, - показала Екатерина на обитые белым с разводами шелком стулья и, смеясь, добавила: - Поболтаем.

А когда Вяземский с Олсуфьевым уселись, продолжила:

- Ну коли вы, Александр Алексеевич, знакомы с письмом тобольского губернатора, то скажите о сем своё мнение.

- Да тут и говорить много не надо, государыня. Предложение Чичерина следует принять. Ведь речь идёт о приобретении новых земель в российское владение, новых людей в российское подданство, о закреплении на всех островах Алеутских, а в будущем и на матером берегу Аляски. Нашим и промышленным людям от тамошнего пушного богатства прямая выгода, а стало быть, и государству российскому. Вот вам, государыня, моё мнение.

- Спасибо, князь. Слова ваши меня обрадовали и убедили. Я никогда не стесняла ничьего мнения, но часто имела и имею своё собственное. Честно скажу я вам, что к той окраине империи я относилась прохладно, полагая, что сие дело далёкого будущего, а ближайшие наши действия обращены должны быть на полуденные страны. Я и сейчас мечтаю о русском стяге на Чёрном море и о кресте на храме Святой Софии в Царьграде. Море должно быть русским, каковым оно и было, а Стамбул должен стать вновь Константинополем! Ужель я не права?

- Ещё как правы, государыня, - заговорил Вяземский. - Великое дело - утвердиться нам на Чёрном море и на Босфоре. Вновь сделать Царьград столицей православной веры нашей, а Крым присоединить к России. Да только и на восточном океане мы тоже давно интерес имеем. Ещё государь Пётр Великий мечтал о большой земле американской, и наши мореходы ходили у тех берегов и при нём, и после него.

- Мне сие ведомо, Александр Алексеевич. Знаю я и про Дежнёва, и про Хабаровова, и про Беринга с Чирикковым... Да наши мореходы и зверобои и в сей день в той стороне промышляют. Но ведь я помню и то, что совсем недавно отказала в монаршем пособии тамошней компании Голикова. Именно из-за надобности денежной на южных рубежах наших. Как же быть мне теперь?

- Всему свой час, государыня. Пусть ваше монаршее пособие идёт туда, куда вы его изволили направить. А купцам нашим, промышляющим у американских берегов, надо, разумею, дать свободу промыслу их и торговле с тамошними странами, особливо с Китаем. Польза от сего дела для Отечества немалая.

- Да я разве против сей свободы? Вы же знаете, князь, мою любовь к России. И мне хочется, чтобы народ наш славился всеми воинскими и гражданскими доблестями и чтобы мы во всех отношениях превосходили других. Не забывайте, милостивые государи, что я дочь герцога Цербстского, а сие значит сербского. Так что и во мне течет кровь славян поморских... Я давно убедилась в том, что русский народ наш есть особенный в целом свете. Бог дал ему отличные от других свойства, а главное - красоту души.

- Ваша любовь и забота об Отечестве и народе нашем известна и за пределами России, государыня, - сказал Вяземский. - Что же касательно денег для постройки компанейских судов, то позвольте подумать о них нам, Сенату. Вы только указ о сем монарший дайте.

- Александр Алексеевич, голубчик, выручайте! И можете совершенно надеяться на меня. Я же, видя ваше угодное мне поведение, никогда о сем не забуду.

- Благодарствую, государыня.

- Указ же Сенату поручим написать Адаму Васильичу. И мы его потом вместе обсудим.

- Слушаюсь, ваше величество, - наклонил голову Олсуфьев и что-то пометил в своих бумагах.

- Ну, а теперь, милостивые государи, - продолжила разговор императрица, - поговорим касательно экспедиции, о коей Денис Иванович Чичерин просит.

- Подготовку её надо поручить коммерц-коллегии, государыня. Там для сего дела и нужные люди найдутся, - предложил Вяземский.

- Я с вами согласна, князь.

- Позвольте и мне слово молвить, государыня, - подал голос Олсуфьев.

- Конечно, граф. Для того и сидим тут. Говорите.

- По моему разумению, надобно предприятие сие проводить тайно. Ибо о делах наших полуденных, полуденных и восточных очень хотят знать англичане, французы, шведы, а особенно испанцы.

- Да, я читала о том в их газетах. Боятся они нашего присутствия на американских берегах... Так, может быть, экспедицию назовём для отвода глаз какой-нибудь ревизией?

- Так и сделаем, государыня, - согласился Вяземский. - Пошлём в Сибирь только офицеров в небольшом числе. Остальных же нужных людей пусть наберут в Тобольске, Иркутске или Охотске.

- Да будет так, Александр Алексеевич. И прошу вас денег для сего дела не жалеть... Даст Бог и прирастёт Отечество наше ещё и Русской Америкой, умножится народом и богатством той земли. Ничего другого я и не желаю для страны, в которую привёл меня Господь.

Екатерина поднялась с кресла, что означало для собеседников окончание разговора. Её голубые глаза светились радостью и какой-то лукавой веселостью.

- Указ об экспедиции в коммерц-коллегию я сочиню сама, - сказала императрица, - и вы увидите, милостивые государи, что я люблю ещё не распаханые страны... А теперь, вы уж извините, мне надобно прибраться для приемов. Мои дамы меня уже, наверное, ждали... До свидания, Александр Алексеевич. В понедельник жду вас с докладом.

И Екатерина протянула Вяземскому руку для прощального поцелуя.

- Да, я чуть было не забыла, граф, - оборотилась она к своему статс-секретарю. - До меня дошел слух, что наш славный русский гений Ломоносов пребывает в бедности. Ежели правда, то это позор для нас. Поручаю вам всё разузнать и сговориться с президентом академии графом Разумовским. Пусть подумает о пенсии для Михаила Васильевича. Ответ мне скажите.

- Слушаюсь, государыня, - поклонился Олсуфьев.

- И ещё... Мне помнится, Ломоносов что-то писал о Колумбах русских и о Северной Америке. Даже чертёж мне свой показывал. Подумайте об участии его словом и размышлением в подготовке экспедиции нашей. А Денису Иванычу Чичерину отпишите в Тобольск мою монаршую благодарность, и пусть ждёт указа.

Екатерина кивнула собеседникам и пошла в спальню своею статной и величавой походкой, которая приводила всех и всегда в восхищение. А сейчас восхищёнными же взглядами провожали императрицу и Олсуфьев с Вяземским.

Побережье матерой земли американской, Аляскою называемой... Вода, кругом вода. А еще частые острова и скалистые их берега в легком тумане раннего утра. И над всем этим - тишина. Только слышны плеск волн о кожаный борт байдары да глухой звук смазанных жиром уключин.

В лодке - куча свежих котиковых шкур и десятка два алеутов-зверобоев во главе с байдарщиком Сысом Слободчиковым, сидящим на корме. Он зорко глядит вперед и по сторонам водной глади. Все другие молчат и равнодушно взирают на океанский простор, на волны и скалы. Видно, что люди устали после многодневной тяжелой работы и жили теперь ожиданием возвращения с промысла домой.

Но вдруг Сысой насторожился и махнул рукой гребцам своей байдары.

- Стой! Суши весла! - скомандовал

жестами и негромко сказал Слободчиков.

Все повернулись в ту сторону, куда вглядывался Сысой. Там из-за островной скалы выставилась корма какого-то незнакомого и большого парусного судна, стоящего на якоре.

- Кажись, не наш, - сказал один из охотников.

- Знамо, не наш, Гуря, - подтвердил Сысой. - Нашим людям в сем углу тайком делать нечего. Да неоткуда им тут взяться.

Слободчиков расстегнул на груди кафтан и достал из-за пазухи подзорную трубу. Корма незнакомого судна приблизилась к его зорким глазам, и он смог прочитать четкие латинские буквы - «Albatros».

- Англичанин... Еще один разбойник в наших водах. Видно, опять что-то затевают, собаки... К берегу! - приказал Сысой гребцам.

Он подал знак рукой на идущие следом байдары, и все лодки друг за другом повернули к скалистому, поросшему кустарником берегу одного из ближних островов.

Над высокой скалой-кекурой Новоархангельской крепости - резиденции главного правителя русских владений в Америке на острове Ситха - развевается трехцветный с двуглавым орлом флаг российско-американской компании. Он будто плывет над домами, амбарами и другими крепостными постройками. У самого причала среди других стоит иностранное судно, на которое по сходням рабочие люди заносят тюки и рогожные мешки с пушниной. Видно, что загрузка судна идет полным ходом, а за ней из окна дома правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова наблюдает американец Томас Мур - капитан этого самого торгового судна. Хозяин же кабинета Баранов сидит за столом и что-то пишет на большом листе бумаги.

- Я старый морской бродяга, мистер Баранов, но на берегу мне более всего по душе вот эта картина, - говорит, кивая на окно, Мур.

Баранов встал из-за своего рабочего стола и подошел к окну.

- Вы правы, господин Мур, - согласился с гостем Баранов. - И у меня от сей картины на сердце любо. И я всегда, глядя на это, чувствую свое участие в деле, ради которого мы пришли сюда, на край земли. Но главное - все это на пользу Отечеству.

- Мы, американцы, мистер Баранов, желаем как можно дольше работать вместе с вами, русскими. Ведь что хорошо для нашей совместной русско-американской компании, то хорошо и для народов наших.

- Да, господин Мур, - подтвердил Баранов. - Наша с вами служба - взаимная выгода для наших народов. Но, к сожалению, тут, у матерой земли американской, подвизаются и совсем другие люди.

- Есть, есть они, мистер Баранов, - кивнул Мур. - Вот, говорят, что в здешних водах появился известный пират Самуэль Гельбер...

- Англичанин?

- Да... Моряк, однако, он превосходный. Но там, где он появляется, всегда смута, всегда кровь. Так что будьте с ним осторожнее. Хитер и коварен этот человек.

- Еще неведомо мне о нем, но, если говорят, стало быть, так и есть.

- У меня точные сведения, мистер Баранов. Этот разбойник здесь где-то, в ваших водах у Аляски.

- И что ему у нас надо? - произнес Баранов, будто спрашивая самого себя.

- Как что? - удивленно сказал Мур. - Все очень просто. Гельбер мелок сам по себе, но за ним стоят испанцы и англичане. А им вы, русские, и мы тоже - конкуренты у этих берегов и не нужны здесь. Вот и послали они этого самого Гельбера.

- Несколько лет тому назад здесь разбойничал пират Барбер. Много нам крови попортил. Подымал против нас туземцев, и они даже захватили нашу крепость. Еле замирились. А сам Генри Барбер потом служил у нас капитаном корабля «Ситха» да однажды в бурю погиб у камчатского берега вместе с кораблем... И вот теперь, зна-

чит, вместо Барбера прибыл Гельбер. Жизнь, однако, скучать не дает. А что, англичане и испанцы творят тут беззаконие? Почему ваши власти их не урезонят? - вдруг спросил Баранов.

- Видите ли, мистер Баранов, - ответил американец. - Моя страна еще слишком молода. Тридцать с небольшим лет всего прошло с тех пор, как мы стали независимы от Британии. И англичане, и испанцы все еще сильны у нас. Ведь наша земля - бывшая колония Англии.

- Англичане и испанцы ведут себя здесь разбойниками с большой дороги, как говорят у нас, русских. Мы вот ружья туземцам не продаем, а пираты колошам даже пушки за меха дают и постоянно подбивают туземцев против нас.

- Они считают все побережье от Калифорнии до Ситхи своей землей, - сказал Мур.

- Земля эта ничейная, - убежденно произнес Баранов. - А, вернее, тех племен индейских, кои на ней живут. И многие из них изъявили свою волю войти в российское подданство доброй волей. Во многих землях сих на американском берегу врыты нами медные доски, где литыми буквами написано: «Земля российского владения».

- Все так, - согласился капитан Мур. - И мне сие давно известно. Но от коварства англичан и испанцев доски не спасут. Им нужны здешние лежбища морских котов. А для этого они и подкупают местных тойонов, и поднимают против вас туземцев.

- Сие они умеют, - подтвердил Баранов. - Коварству их учить не надо. Да ведь зло свое творя, как они жить собираются? Мне говорили, как они огнем и мечом прошли от моря и до моря по земле Америки, истребляя целые племена туземцев ради собственного блага. Мы же пришли сюда не завоевывать Америку... Вот посмотрите, господин Мур, - и Александр Андреевич подвел гостя к большой карте, висевшей на стене кабинета, и продолжил: - Мы давно обжили все эти острова... Кадыак, Афогнак. Наши крепости есть и на земле

Кеная, Якутата. Ныне мы вот здесь, на острове Ситха, и крепость наша Ново-Архангельск - столица Русской Америки. Но мы мечтаем о большем, господин Мур. А мечта наша - построить на американском берегу большой город вроде Санкт-Петербурга... С широкими проспектами, площадями, православными храмами, высокими домами и портом со многими причалами... И назовем его Славороссия!

- А кто в них будет жить, мистер Баранов? - удивленно перебил Мур. - В домах вашего славного города?

- Как кто? Туземцы, конечно. Коренные жители сей земли. Истинные американцы: колоши, алеуты, качаны, атапаски... Да тут много разных племен обитает.

- Но они, мистер Баранов, не готовы к такой жизни. Они дикие люди.

- Да, они, господин Мур, не такие, как мы. Но мы выведем их из дикости, как выводили другие племена и народы. И здесь на Кадьяке школу для туземцев открыл еще много лет назад Григорий Иванович Шелихов за счет компании. Ибо компании нашей нужны были матросы, писари, мастера разных ремесел. Теперь все они служат у нас на благо своей родной земли. А самых одаренных учеников наших мы посылаем обучаться в Иркутск и даже в Петербург.

- Так это же на другой край земли?! - опять удивленно воскликнул капитан Мур.

- Овчинка выделки стоит, как у нас говорят, - довольно сказал Баранов.

- А какова, кстати, судьба того индейского мальчика, что я когда-то вам оставил? - спросил Мур.

- Рыча? О, он оказался смышленным отроком, - улыбнулся Баранов. - Хорошо знал английский язык и был сперва при мне переводчиком. Потом окончил здесь школу, а ныне я отправил его с кораблем нашим в Кронштадт. Обучаться будет в тамошней мореходной школе. Ожидаю его сюда морским офицером. Так-то, господин Мур. Придет время, и обустроим мы сию землю американскую.

После этих слов Баранова капитан

Мур долго молчал. Он ходил по кабинету, о чем-то размышляя.

- Странные вы люди - русские, - наконец заговорил он. - Вас очень трудно понять. Идете из Европы через Сибирь и океан в сей далекий край через лишения, а порой и смерть, к людям-дикарям, и все для того, чтобы этих людей научить всему, чем владеете сами, научить их жить так, как мы живем. Но это невозможно, да и нужно ли?

- Возможно, нужно, и ничего странного в том нет, господин Мур, - оживленно продолжал Александр Андреевич. - Мы, русские, живем по законам веры нашей православной. Туземцы - такие же люди, как и мы. Только живут в дикости. Вот и надо их вывести к свету. Потому-то мы их и приобщаем к нашей вере Христовой, крестим, учим грамоте, ремеслам и разным наукам, что сами знаем. Разве это плохо?

- Я не говорю, что это плохо, мистер Баранов. Но я пытаюсь понять: зачем вам это надо?

- Это надо нашей компании, а стало быть, и Отечеству моему. Мне же лично надо немного: чтобы вспомнили потом добрым словом. Вот, дескать, был в прежние времена здесь, в этих местах, правитель Русской Америки Баранов... Ну и слова там всякие разные: как одного крестил, другого уму-разуму учил, третьего женил... Добрая память... Она, брат, всего дороже. И ради этого стоит жить...

- Да, о вас, мистер Баранов, слух идет по всему побережью, и даже на островах Океании о вас знают.

Александр Андреевич, довольный, заулыбался.

- Говорят... Это верно. Я знаю и не скрою, что мне приятно сие слышать.

- На пути сюда заходил я на Гавайские острова пополнить запас пресной воды и съестного. Так даже тамошний король и многие другие люди говорили о вас... По-доброму, конечно. А ведь в тех местах погиб славный капитан Кук!

- Король Гавайских островов Тамеама Великий - мой давний друг. Только вот встретиться пока не дове-

лось. А с ним у меня торговый и взаимовыгодный договор. Наши промышленные добывают там зверя и привозят разные товары.

- Слышал я еще, - продолжал Мур, - что вы собираетесь открыть там, на островах, свои фактории. В будущем не встанет ли вопрос о присоединении тех Сандвичевых островов к российской короне?

- Если гавайцы того захотят, то я возражать не стану. Но наказа на этот счет я пока не имею... Гавайи - земля российского владения... Неплохо звучит, что и говорить...

В дверь неожиданно постучали, она тут же отворилась, и в кабинет Баранова вошел его помощник по коммерческой части Кусков.

- Бумаги готовы, Александр Андреевич, - произнес он от порога.

- Вот и славно, вот и хорошо, Иван Александрович! Давай их сюда, голубчик.

Баранов взял бумаги, коротко глянул на них и сел к столу.

- Ну вот, господин Мур... Все, о чем мы договорились устно, теперь положено на бумагу... Стало быть так: берете у нас три тысячи бобровых шкур да медведковых, песцовых, лисьих... Впрочем, тут все прописано и по-английски. Читайте, - Баранов протянул бумагу Муру и продолжал: - Я желал бы, чтобы наши пушные товары вы променяли в Кантоне на товары тамошние и необходимые нам: чай разных сортов, китайку-ткань цветов тоже разных, штук пятьсот шелку, сахару-леденцу и прочего товару. И все это сдали бы на Камчатке нашему комиссионеру Мясникову. А тот часть товаров с вами же прислал бы сюда. Здесь же и расчет будет полный. Так ли я говорю, господин Мур?

- Все так, мистер Баранов. Не извольте беспокоиться. Я выполню все пункты нашего договора... А кто будет у меня на судне вашим доверенным лицом?

- Об этом мы спросим моего помощника Ивана Александровича. Вся наша коммерция - его епархия, и он тут архиерей. Так кого ты приглядел, Иван Александрович, в доверенные?

- Служащего у меня в конторе Петра Ивановича Калистратова, Александр Андреевич. Он звания купеческого и мореход добрый. Хаживал со мной до Сан-Франциско да и на Камчатку отсюда ходил, - сказал Кусков.

Баранов удовлетворенно закивал головой, соглашаясь с Кусковым.

- Так что он, господин Мур, будет не только за товар отвечать, но и вам в пути помогать. Нахлебником не будет... Ну, а с вами мы давно знакомы, и я вам верю, вручая наш товар в руки ваши, - заключил Баранов.

- Благодарю вас, мистер Баранов. Иначе и быть не может, когда мы делаем одно общее дело.

- Тогда скрепим наш уговор, - сказал Баранов и первым подписал бумаги.

За ним склонился над ними и Томас Мур, размашисто расписываясь гусиным пером.

- Ну, так что - по рукам?! - весело воскликнул Баранов и протянул Муру свою руку.

- По рукам, мистер Баранов! - так же весело ответил капитан Мур.

И они пожали друг другу руки.

- А теперь, капитан Мур, как и положено у нас, надобно уговор наш обмыть, и я приглашаю вас отобедать у меня. Супруга моя Анна Григорьевна, должно быть, уже ждет нас. Как вы к этому относитесь?

- О! О! Я знаю, как вы скрепляете договоры, чтобы они не рассыхались, - рассмеялся Мур. - Но я готов к этому.

Баранов, тоже улыбаясь, отворил двери, пропуская вперед гостя.

А тем временем, скрывшись в кустах за камнями прибрежного острова, Сысой Слободчиков с Гурием наблюдали за иностранным кораблем, стоящим в маленькой бухточке у матерого берега. Зрительная труба была в руках Гурия, и взгляд его блуждал по скалам, волнам, потом уперся в название корабля, в его мачты и трапы-сходы, по которым сновали с корабля на берег и обратно матросы и местные индейцы.

- Кажись, разгружают судно-то, -

сказал Гурий. - А матросам колоши местные помогают. Видно, много товару на обмен привезли... Ой, Сысой, да это же Котлеан! Точно он, вождь этих самых колошей. Я его узнал сразу: усы ниточкой, скулы широкие, а бородка узкая, как у козла.

- Дай-ка мне, Гуря, - заинтересовался Сысой и протянул руку к зрительной трубе. - Что ты там выглядел?

- Да узнал я его, - довольно сказал Гурий.

Слободчиков тоже направил трубу на людей возле корабля, стоящего в тихой бухточке. И он увидел, как к ногам этих людей складывался весь товар, сносимый по сходням с корабля: тюки, мешки, бочонки, ящики. Индеец, о котором говорил Гурий, был в плаще-накидке из белого козьего меха.

- Да. Это он, Котлеан, - подтвердил Сысой. - А рядом с ним, стало быть, сам капитан судна.

- А как же. Он и есть. Товар меняют на бобровые шкуры.

- Все похоже на это. Только корабль сей не торговый, - сказал уверенно Сысой.

- Как так? Почему? - удивился Гурий.

- А потому, что спешат больно. Да и место стоянки вдалеке от жилья колошей. Все как-то тайно, по-воровски.

- Стало быть, этот англичанин - пират!

- Стало быть, так, Гуря.

- Что делать будем?

- Немного погодим. Посмотрим. Может, еще что хорошее увидим, - ответил Сысой, все еще всматриваясь в зрительную трубу. - Во! Так и есть. Кажись, дождались.

- Чего увидел? - нетерпеливо спросил Гурий, тоже внимательно вглядываясь вдаль.

- Англичанин из ящика ружье достал. Так... заряжает. Котлеану подает... Тот доволен, зело доволен. Хвалит, видно. Сейчас выстрелит... Слушай.

Со стороны судна раздался звук выстрела. Сысой опять всматривает-

ся в подзорную трубу, но Гурий держит его за отворот кафтана.

- Ладно, пошли в лодку, Сысой Иваныч. Все теперь и так ясно.

- Все, да не все, - не соглашается Сысой.

- А чего еще-то?

- Подождем, что еще будет. Дело-то, видно, больно серьезное, ежели англичане колошам ружья продают... Вот туземцы от судна к себе пойдут, тогда и мы поплывем. Но они что-то пока не собираются...

...А у шаткого трапа английского корабля выросла уже целая куча всевозможных тюков, рогожных мешков и ящиков. Туземцы-колоши в накидках из простых одеял оживленно разговаривают меж собой, и радостью светятся их смуглые лица. Таким же выглядит и вождь колошей Котлеан. Рядом с ним капитан судна - Самуэль Гельбер.

- О чем они говорят? - спросил капитан одного из своих людей.

- Радуются удачному обмену. Особенно рады ружьям.

- Еще бы... Ведь русские им ружья не продают и не дарят.

- Не слишком ли мы щедры, капитан? - подал голос один из пиратов. - Сколько товара нашего, а шкур бобровых совсем немного.

- Не слишком. Если индейцы выгонят отсюда русских, то все это окупится во много раз. Ведь тогда все меха и другие богатства этой земли будут нашими... Вот тогда мы цену и набавим за товары наши и ружья... А пока... пока приглашайте этих обезьян к нам на судно, - добавил он негромко своему помощнику. - Надо закрепить сделку.

И Самуэль Гельбер первым с улыбкой предложил вождю Котлеану пройти на корабль...

...В кают-компании «Альбатроса» вокруг стола собрались люди Гельбера и несколько индейцев с Котлеаном. Когда матросы каждому подали стаканы с ромом, то Гельбер заговорил первым.

- Я приветствую своего друга, вождя Котлеана, и его людей. В знак нашей дружбы я пью за его здоровье.

Котлеан что-то сказал в ответ, а переводчик вслед за ним повторил.

- Вождь Котлеан говорит, что тоже очень рад встрече с давним своим другом капитаном Гельбером и благодарит его за товары, что получили они за свои бобровые шкуры, и особенно за ружья.

- Передай, - обратился к переводчику Гельбер, глядя на Котлеана, - что мы всегда будем платить щедро. Кстати, как вождь сейчас живет с русскими? Как они ему платят?

- Вождь говорит, что русские за шкуры платят тоже хорошо.

- Скажи ему, что русские все равно их обманут. Ведь живут же они на их земле и бьют бобров в их водах. А вождь и его люди все это терпят.

- Вождь Котлеан на всем побережье известен как противник русских. Все форты их он сжег. Сейчас русские живут только на островах. Вождь Котлеан и воины его племени однажды даже взяли с боем главную крепость русских на острове Ситха.

- Я знаю об этом, - сказал Гельбер. - В тот раз Котлеану помогал наш капитан Барбер и его люди.

- Да, да, - закивал головой Котлеан.

- Но после этого русских стало еще больше, а бобров и зверей лесных у племени не прибавилось. Не так ли?

- Это так, - согласился Котлеан.

- Мне известно, - продолжал Гельбер, - что русские собираются заселить побережье и промысливать там зверей. Что же останется вождю Котлеану и людям его племени? Другим племенам?

- Но что делать, если русские сильны и не все вожди побережья выступают против них? - сказал Котлеан.

- Я призываю вождя Котлеана взять приступом снова крепость русских на Ситхе. Прогоните их из своих владений, и сами будете добывать зверя, а шкуры и меха продавать нам. И жить станете богаче, чем сейчас.

- На побережье мы русских не пустим, - ответил Котлеан на предложение Гельбера, - но крепость на Ситхе, где живет главный правитель русских, Баранов, нам не взять. Он хо-

рошо укрепился. У него много людей, ружья и пушки.

- Людей можно найти у соседних племен. Ружья, порох, пули я еще дам. Могу дать и пушки.

- Пушки? - удивился Котлеан.

- Да, пушки... Согласен ли вождь Котлеан с моим предложением?

- Если у меня будут пушки, то я согласен повторить нападение, - сказал Котлеан.

- Отлично! И еще одна просьба к вождю...

- Он тебя слушает.

- С пушками я пошлю своих людей. И пусть их облачат в одежды племени, чтобы никто из русских ничего не мог заподозрить.

- Вождь Котлеан согласен. Ваши люди будут жить в его селении и ни в чем не испытают нужды.

Гельбер приказал вновь налить в стаканы рому.

- Тогда я предлагаю выпить еще раз за нашу дружбу, за удачу в делах общих и здоровье вождя Котлеана! Я верю, что от нашей дружбы выгода будет взаимной.

- Так, - сказал довольный Котлеан.

Сысой Слободчиков дождался все же и увидел в подзорную трубу, как по трапу с пиратского корабля стали спускаться индейцы во главе с вождем Котлеаном, а за ними следовал Гельбер со своими людьми. Потом он увидел, как матросы Гельбера скатили на берег три небольшие пушки.

- Э-э, да они и пушки Котлеану дали! - воскликнул Сысой. - Раз, два... три. Вот теперь все ясно, Гурия. Не зря ждали.

- Чего ясно-то? - не понял Гурий.

- А то, что англичанин подговорил Котлеана против нас. Одарил хорошо и даже пушки дал, а стало быть, и пушкарей. На, погляди...

- Точно! - воскликнул Гурий, поднеся зрительную трубу к своим глазам. - Туземцы на матросов плащи из одеял надевают. Под своих рядят.

- Это не просто обмен товаром, - убежденно произнес Сысой. - Сие означает, что скоро надо ждать гостей незваных в нашу крепость на Ситху...

Так что, Гуря, нам поспешить надо домой и правителю Баранову Александру Андреичу обо всем, что видели, сказать. И чем быстрее, тем лучше... Только пойдём вон тем проливом

меж островами, скрытно и быстро.

Сысой и Гурий спустились с камней в байдару, и Слободчиков взмахом руки дал команду кормщикам других байдар идти следом за ним.